

Пусть бережется! если
Заронить искру пламя въ эту грудь,
Оледѣвшую отъ лѣтъ, то не легко
Она избѣгнетъ рукъ моихъ; мнѣ трудно
Носить понинѣ маску—но что жъ дѣлать?
Того ужъ требуетъ мой санъ. Ха! ха! ха! ха!..

(Эмилиа и Донна-Марія входятъ).

Какъ счастливъ я, что вижу наконецъ
Прелестную Марію—и тебя,
Невинную Эмилию. О, Алварецъ!
Не долженъ тотъ роптать на провидѣнье,
Кто обладаетъ этими ларами неба,
Хотя бы крыши не было отъ солнца
Ихъ защитить.

Алварецъ: Эмилиа, поди сюда!
Я объявилъ отцу Сорринію,
Что влюблена ты.

Эмилиа (покашнѣвъ): Батюшка!

Алварецъ: Молчи.

Отецъ святой тебя наставить хочетъ
Въ томъ, какъ вредна любовь, а ты—
Ты слушай со вниманьемъ, чтобъ ни слова
Не кинулъ онъ на воздухъ: сердце
Твое запутано, не знаешь ты,
Чего ты хочешь; онъ тебѣ откроетъ
Опасность страшную любви.

Соррини: Да, если мнѣ позволилъ вашъ роди-
тель, я готовъ неопытность ввести
На лучший путь: тамъ нѣтъ цвѣтовъ,
Тамъ тернія, но цѣль, къ которой мы
Приходимъ, веселитъ насъ, а бывшее
Печально или весело, смотря по тѣмъ
Мгновеніямъ, когда о немъ воспоминаешь,
И такъ всего важнѣй послѣдствіе;
Коль къ доброму концу дѣянья наши,
То способы всегда ужъ хороши,
Какіе бъ ни были... Страшись Фернандо!
Онъ льститъ тебѣ, обманетъ или,
Положимъ, на тебѣ онъ женится,
Но это для того, чтобъ быть богаче.

Алварецъ: Да этого не будетъ никогда;
Скорѣй всѣ мертвые воскреснутъ.

Соррини: Не говори этого—бываютъ
Такие случаи. Но васъ, Эмилиа,
Прощу бояться пламенной любви.
Быть можетъ притворяется Фернандо?
Послушайте, я расскажу вамъ случай,
Которому свидѣтель былъ въ Мадридѣ,
При инквизиціи святой.

У дѣвушки одной любовникъ былъ,
Красивый, молодой и умный малый,
И, такъ сказать, на все удалый.
И онъ красавицу мою любилъ,
И очень долго это продолжалось;
Какъ наконецъ замѣтила она,
Что, отъ нея безъ грусти удаляясь
Подъ разными предлогами, не сталъ
Онъ находить веселья въ разговорѣ нѣж-
номъ, что къ ней онъ вовсе охладѣлъ, [номъ,
Что не дивился ужъ красѣ ея наряда,

И призывающаго взгляда
Онъ понимать ужъ не умѣлъ.
Какъ женщинъ все это не замѣтитъ,
Когда вся жизнь ея въ томъ только состоитъ?
Вотъ ревность въ грудь ея какъ червь за-
и долго сердце горькое точила... [красась
Ну, просто, безъ обиняговъ скажу,
Она любимца отравила,
И онъ скончался въ двое сутокъ...
Но такъ какъ бѣдный сей испанецъ
Служилъ при инквизиціи писцомъ,
То въ дѣло всѣ вошли по праву мщенія.
Преступницу наказывали долго,
Имѣнье въ пользу церкви обративъ,
И наконецъ замучили до смерти!..

(Всѣ содрагаются).

Вотъ слѣдствія любви!.. страшись, Эмилиа!
на мячикъ сердце въ насъ походитъ: положи
Ты на крутой горѣ его тихонько,
И онъ не тронется—но, разъ толкнувъ,
За нимъ хоть бросишься, но не догонишь.
Не такъ ли говорю я?

Алварецъ: Точно такъ.

Вы совершенно справедливо поступили
Съ несчастною преступницей... Какъ? Огра-
Служителя священной инквизиціи? [вить
Она мученье смерти заслужила.

Соррини: Нѣтъ, я совѣмъ не говорю сего!
(Кидая взоръ на Эмилию).

Я слишкомъ жалостливъ... насильно
Меня заставили бумагу подписать;
Всѣ члены у меня, хладѣя, трепетали,
И осуждалъ мой умъ, что пальцы написа-
Но такова судьба судей земныхъ!.. [ли...
Всѣ люди мы, и ослѣпленые страсти,
Безумное волненіе души, должны мы
Прощать, когда мы излечить не въ силахъ.
Донна-Марія: Ахъ! я и прежде такъ судила.
Алварецъ: И въ самомъ дѣлѣ правда это.
Соррини (радостно въ сторону): Они меня бо-
ятся!

Эмилиа. Позволь тебя спросить мнѣ, ба-
къ чему все это клонится? [тюшка,

Алварецъ: Къ тому,

Что не должна ты плакать и крушиться
Объ томъ, что болѣе Фернандо не увидишь—
Онъ нагрубилъ мнѣ нынче, и на вѣки
Его изъ дому я прогналъ,
Не смѣй съ нимъ видѣться тихонько; иначе,
Страшися оскорбленнаго отца...
Прощаю я твою любовь, какъ бы порокъ.
Въ которомъ ты исправилась. Надѣюсь,
Что это будетъ такъ, по крайней мѣрѣ.

Соррини: Утѣштесь, нѣжная Эмилиа!
Любовь пройдетъ, самимъ вамъ будетъ легче.

Эмилиа (сквозь слезы): Довольно и того, что
сдѣлали,
Но для чего смѣяться надо мной?.. (Плачетъ).
(Эмилиа уходитъ, закрывъ глаза платкомъ. Всѣ въ
изумленіи).